

УДК 101.9

А.Ю. Коробов-Латынцев

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Аннотация. Великая Отечественная война оставила огромный след и в жизни, и в философии Александра Зиновьева. Философу довелось принять участие в войне, которую он после назвал самой страшной и самой великой войной в истории человечества. Победа Советского Союза, исторической России, воспринималась философом как пик развития России, ее акме. К осмыслению Великой войны Зиновьев будет обращаться и в своей философской публицистике, и в мемуарах. Опыт войны у А.А. Зиновьева был одновременно индивидуальным и всеобщим, личным и философским, война для него была не просто теоретической темой, но и экзистенциальным опытом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Александр Зиновьев, философия войны, экзистенциал.

Александр Зиновьев, всемирно известный логик и социолог, автор нашумевшего романа «Зияющие высоты», за который был изгнан из СССР, был участником Великой Отечественной войны. Философ прошел путь от кавалерии до авиации, от рядового до офицера. В армии он был с восемнадцати до двадцати четырех лет. (Про свои армейские годы он вспоминал потом, что, изучив опытным

путем досконально все аспекты армейской жизни, он использовал эти знания затем для изучения специфических коммунистических отношений). После войны Зиновьев демобилизовался и вернулся на философский факультет, откуда его выгнали перед войной за антисоветские высказывания.

Зиновьев был ярким антисталинистом, даже носил в голове планы покушения на Сталина, а когда Сталин умер, не был этому рад, потому что его антисталинизм терял теперь смысл. «Исчез мой эпохальный враг», – так Зиновьев напишет в своей «Исповеди отщепенца». Он также говорил, что критиковать Сталина сегодня – это все равно, что критиковать сегодня Чингисхана или Македонского, и прибавлял, попробовали бы сегодняшние критики Сталина покритиковать его в его собственное время. «Я был антисталинистом, – пишет Зиновьев, – но я счел бы оскорблением для себя, если бы меня зачислили в одну категорию с нынешними антисталинистами» [1, с. 252].

Уход в Красную армию спас его от ареста за антисоветскую пропаганду. В 1940 г. страна уже готовилась к будущей войне, поэтому многие призывались в армию, а многие шли туда добровольно. Среди последних был и Зиновьев. 29 октября 1940 г. (в свой день рождения) измученный преследованиями и страннической жизнью Зиновьев пришел на сборный пункт. Он вспоминает, что одежда его была в таком состоянии, что он тут же выбросил ее, получив военную. Всех призывников в тот же день погрузили в товарные вагоны и повезли на Дальний Восток, в Приморский край.

Зиновьев вспоминает, что, помимо того, что армия давала ему спасение от преследований, была еще одна причина, по которой он пошел служить, – «это то, как армия изображалась в книгах, фильмах, пропаганде и рассказах тех, кто отслужил свой срок» [1, с. 163–164]. Как видим, у молодого и голодного философа были и романтические ожидания от службы в армии.

Зиновьева взяли в особый эскадрон, как он пишет, «с расчетом на то, что в течение двух лет из нас подготовят младших лейтенантов запаса» [1, с. 166]. Зиновьев будет одним из лучших бойцов эскадрона. Но через несколько месяцев службы в Приморском крае полк расформируют, погрузят в эшелон без коней и повезут на запад страны – война будет уже совсем близко. Это спасет Зиновьева,

который за считанные месяцы службы в Приморском крае успел найти себе неприятности. Один из товарищей, с которым он сблизился и вел откровенные разговоры о своих взглядах на советский строй, донес на него. Зиновьева вызвал к себе политрук и попросил подробно расписать свою автобиографию, начиная со школы и кончая службой в армии, это было нужно якобы для того, чтобы представить Зиновьева к званию ефрейтора, для этого в его биографии не должно быть темных мест. У Зиновьева же такие места как раз и были, ведь его отчислили из университета без права поступления вновь, он сбежал от преследования сначала к себе в родную деревню, а когда его почти достали и там, он ушел служить в армию. Без сомнения, темные места биографии будущего философа вскрылись бы, и тогда его ждал или лагерь, или расстрел. Но его спасло расформирование полка и то, что его с сослуживцами повезли на запад страны – на Украину.

По прибытии на Украину всех солдат выстроили на плацу и стали распределять. Один из офицеров танкового полка спросил, кто умеет водить мотоцикл. Зиновьев вышел, хотя мотоцикл он водить не умел, даже не притрагивался к нему никогда. Обман вскрылся, когда Зиновьев уже прибыл в полк, но отправлять назад его не стали, тем более выяснилось, что у него неполное высшее образование, и еще он знает немецкий язык. Во внеслужебное время его определили заниматься немецким языком с офицерами полка. Затем получилось так, что он стал помогать политруку готовить политическую информацию. «Короче говоря, я стал уважаемым человеком в полку», – вспоминает Зиновьев. Ему даже присвоили звание сержанта.

Зиновьев затем напишет, что в обстановке военных лет он чувствовал себя как рыба в воде [1, с. 180]. Более того, когда война окончилась, он сожалел об этом.

На войне Зиновьев показал себя героем. С началом отступления было приказано оставлять прикрытие. Это значит, что те бойцы, которые будут прикрывать отступавшие части, скорее всего, погибнут. Добровольцами вызвались несколько человек, в их числе и Зиновьев. «Мы, оставшиеся прикрывать отступление части, приготовились сражаться до последнего патрона и достойно умереть» [1, с. 184]. Зиновьев пишет, что это было совершенно искреннее решение.

Интересно замечание Зиновьева о своем психологическом состоянии во время первого боя при прикрытии отступления. Он пишет, что начал стрелять так, как будто он был старым и опытным солдатом, привыкшим убивать. Как человек, который прошел войну до самого конца, Зиновьев, конечно, убивал. Он сам пишет об этом. Однажды он участвовал в уничтожении группы немецких автоматчиков, которые оторвались от своей части, и штыком заколол врага. О своем психологическом состоянии на тот момент Александр Александрович пишет так: «Произошло это так быстро, что мы просто не имели возможности испытать все те психологические переживания, которые так подробно и вроде бы со знанием дела описывали писатели» [1, с. 185]. Во время этой операции Зиновьев был ранен в плечо. Он пишет, что был рад тому, что был по-настоящему ранен. И что по-настоящему уцелел (потому что ему даже не перевязали плечо, об отравлении в госпиталь дело и вовсе не шло).

Зиновьева еще во время призыва на медицинской комиссии признали годным для авиации. В самый критический момент войны его отправили в авиационную школу. 1942–1944 гг. он провел именно там. Как напишет сам Александр Александрович, летал он вполне прилично. Летал на штурмовике ИЛ-2. «Это была машина замечательная», – будет вспоминать философ в 1988 г.

«Участие в боях делало нас исключительными личностями, – пишет Зиновьев, – уклонение же от этого каралось презрением» [1, с. 194]. Философ с удовольствием принимал участие в боевых вылетах: «Настроение было праздничным, приподнятым» [1, с. 195]. Об этом боевом времени Зиновьев напишет, что оно было «одним из самых лучших» в его жизни [1, с. 194].

Победу Зиновьев встретил в Чехословакии. За участие в боевых действиях против Германии Зиновьев был награжден орденом Красного Знамени № 2095519 (Приказ 6-й гвардейской штурмовой авиационной дивизии № 014/11 от 30 апреля 1945 г.) и медалями «За победу над Германией» (9 мая 1945 г.), «За взятие Берлина» (9 июня 1945 г.) и «За освобождение Праги» (9 июня 1945 г.).

Биограф Зиновьева П.Е. Фокин в своей книге о философе приводит воспоминания его друга Марка Зальцберга: «Вот эпизод нашей встречи с Александром в Мюнхене в 1991 г. Сидим мы в знаменитой мюнхенской пивной Hofhbrau (не знаю, точно ли написал название.

Мой немецкий не ахти какой). Подходит пожилой немец со шрамами на лице и вежливо спрашивает разрешения присесть за наш столик. А.А. с отвращением говорит «bitte». Немец слышит, что мы говорим по-русски, и спрашивает, кто мы, откуда и т.п. Мы вежливо отвечаем, но я вижу, что А.А. постепенно накаляется. А немец вдруг спрашивает: «Что вы делали во время войны?». И тут еще оркестрик кстати заиграл «Horst Wessel». И Александр, глядя ему в глаза, с наслаждением говорит: «Я немцев убивал во время войны». Немца смыло так, что мы и не поняли, куда он девался! Я спрашиваю Александра: «Это вы с ними всегда так?» – «Я их ненавижу, а этот, судя по шрамам, может быть, в меня стрелял!» был ответ, и я понял, как тяжело ему жить в ненавистной стране» [3].

Зиновьев, как и русские философы в Первую мировую войну, старается осмыслить произошедшее, осмыслить войну. Но если представители русского религиозно-философского Ренессанса осмысляют войну в религиозном ключе, то Зиновьев, как марксист и как социолог, осмысляет войну в социологическом аспекте. При этом он пишет, что в его задачи не входит исследование войны как таковой. Он касается темы войны лишь как фактора своей личной жизни, как фактора его личного эксперимента и фактора личного понимания в исследовании советского общества.

Зиновьев старается определить социальный тип войны. Для этого ему требуется охарактеризовать социальный тип страны. В этом смысле Первая и Вторая мировые войны отличаются друг от друга. Если первая была войной между однотипными с социальной точки зрения государствами, то Вторая мировая война была социально неоднородной. Причем Зиновьев пишет, что относительно ее социального характера сложилась целая традиция умолчания. Вторая мировая, пишет Зиновьев, была войной между капитализмом и коммунизмом. Цитируем, чтобы не пересказывать: «Война гитлеровской Германии против Советского Союза была, по существу, попыткой стран Запада раздавить коммунистическое общество в Советской Союзе. Причем это не была война одинаково виновных с точки зрения её развязывания партнеров. Инициатива исходила со стороны Запада хотя бы по той причине, что Советский Союз к войне подготовиться не успел» [1, с. 208].

Вторая мировая показала, что коммунистический строй способен удерживаться при невероятных трудностях, выдерживать эпохальные катастрофы. Коммунизм есть строй, «как будто специально приспособленный для самосохранения страны в условиях грандиозных трудностей и для преодоления их» [1, с. 208]. По сути дела, это один из главных выводов Зиновьева по войне. Впрочем, не единственный. Были и многие другие выводы, и многие другие мысли, родившиеся у Зиновьева из войны, в войне, по поводу войны и на фоне войны. Из армии философ возвращается, как он сам пишет, с чемоданом рукописей. Военные впечатления легли в основу многих будущих книг Зиновьева – «Зияющие высоты», «В преддверии рая», «Нашей юности полет». Постоянное обращение Зиновьева к теме войны – как в своих философских книгах, так и в мемуарах – подтверждает, что опыт войны действительно был определяющим как для его личности, так и для его философии.

Источники и литература

1. *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. – М., 2005.
2. *Зиновьев А.А.* На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа. – М., 2016.
3. *Павел Фокин:* Александр Зиновьев и Германия. [Электронный ресурс]. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/2434>

A.Yu. Korobov-Latyntsev

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMOIRS OF A. A. ZINOVIEV

Abstract. The Great Patriotic War influenced the life and philosophy of A. Zinoviev. The philosopher participated in the war, which he will later call the most terrible war in the history of mankind. The victory of Russia in the war, from the point of view of Zinoviev, was the peak of the development of the Soviet Union. Zinoviev will comprehend the Great Patriotic War both in his philosophical books and in his memoirs. Zinoviev's experience of war is a personal experience and a universal, philosophical, existential experience.

Keywords: the Great Patriotic War, Alexander Zinoviev, philosophy of war, existential.